

Научная статья

УДК 070.1: 316.774 + 330.101 + 004.823 + 341.655 + 159.95:330.1

DOI 10.15826/izv1.2023.29.1.002

САНКЦИИ КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ РОССИЙСКИХ СМИ

Дмитрий Эдуардович Коноплев

Челябинский государственный университет,

Челябинск, Россия,

dmitriykonoplev@ya.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1350-4163>

А н н о т а ц и я. В статье рассматривается медийный дискурс, выстраиваемый вокруг информационного освещения санкционных режимов в экономических публикациях российских СМИ. Используя методики качественно-количественного контент-анализа и статистического анализа, автор пытается выяснить, чем вызвана та или иная реакция медиа на различные санкционные поводы. Опираясь на выборку по пяти тематическим блокам за период с 2014 по 2022 г., включающую более 12 тыс. публикаций, автор приходит к выводу о несущественности для экономических текстов вопросов санкций, если они непосредственно не затрагивают проекты российских компаний. Отдельно в статье ставится вопрос о субъективности журналистов при освещении санкционной тематики. В заключение представленные тематические группы журналистских текстов классифицируются согласно специфике раскрываемой в них санкционной темы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика; информационный каскад; информационный шаблон; медийный дискурс; санкции; фрейм; экономическое мышление

SANCTIONS AS AN IMPORTANT ASPECT OF ECONOMICS: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN MEDIA PUBLICATIONS

Dmitry E. Konoplev

Chelyabinsk State University,

Chelyabinsk, Russia,

dmitriykonoplev@ya.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-1350-4163>

Abstract. The article examines the media discourse built around the information coverage of the sanction's regimes in the economic publications of the Russian media. By the methods of qualitative and quantitative content analysis and statistical analysis,

© Коноплев Д. Э., 2023

the author tries to find out what explains this or that reaction of the media to various sanctions reasons. Based on a sample of five thematic blocks for the period from 2014 to 2022, including more than 12,000 publications, the author comes to the conclusion that the issues of sanctions are insignificant for economic texts if they do not affect the projects of Russian companies. Separately, the author's attention is drawn to the issue of subjectivity of journalists while covering the topic of sanctions. In conclusion, the presented thematic groups of journalistic texts are classified according to the specifics of the sanction's topic disclosed in them.

Key words: journalism; information cascade; information template; media discourse; sanctions; frame; economic thinking

Введение

Проблема освещения в СМИ санкционной тематики, впервые ставшая актуальной в 2014 г., связана не только с непосредственным характером развивающихся в экономике событий, но и со способностью медиа фиксировать эти события с достаточной точностью и сообразно их общественной значимости. В последнем и заключается главный вопрос, который мы ставим в данном исследовании: насколько достоверно и корректно тема экономических санкций представлена в современных российских СМИ? А если к достоверности и корректности есть те или иные претензии, то чем обусловлено такое отклонение от общепринятого стандарта подачи финансовой информации?

Прежде чем отвечать на данные вопросы, необходимо отметить, что традиционно представление в медиа картины экономической действительности определяется двумя уровнями: уровнем отбора журналистом тем для своих материалов (в нашем случае — писать или не писать про санкции?) и уровнем ассоциативных рядов (с чем сравнивать текущую ситуацию, например, очередной санкционный режим, для лучшего понимания аудиторией?). Первый уровень рассматривается в рамках теории установки повестки дня, сформулированной М. Маккомбсом и Д. Шоу [McCombs, Shaw, p. 177], и предполагает различные подходы к тому, как авторы решают, о чем нужно писать, а о чем нет. Например, Д. Эватт и С. Ганем делят все инфоповоды на социально значимые и аффективно значимые (эмоциональные), указывая на ангажированность журналистов, если они отдают предпочтение освещению последних в ущерб первым [Evatt, Ghanem, 2001]. В свою очередь, Э. Ноэль-Нойман отмечает, что появление так называемых информационных шаблонов или доминант в информационном дискурсе происходит на фоне разворачивающейся «спирали молчания», когда определенные тематические пласты намеренно игнорируются СМИ [Noelle-Neumann, p. 134]. В нашем случае это в значительной степени касается восприятия негативных последствий санкций. Отчасти последний сценарий связан и с формированием медийных фреймов, представляющих образы и идеи, наиболее легко воспринимаемые в существующем коммуникативном пространстве. Роль таких фреймов в журналистике рассматривают Р. Энтман [Entman, p. 164], Б. Ван Горп [Van Gorp,

р. 60–78] и Р. Вика [Wicks, 2001]. Вопрос ассоциативных рядов подробно представлен в теории медиапрайминга, связывающей корреляцию фактов, задаваемую журналистом в своем тексте, с формированием логических связей у аудитории. Этот процесс заметно влияет на объяснительные модели, предлагаемые авторами в рамках рассмотрения причин санкций и их последствий. О специфике медиапрайминга в медиа, в частности, пишут Р. Гойдел [Goidel, Shields, Peffley, р. 287–318], Д. Домке [Domke, Shah, Wackman, р. 51–75] и Д. Шойфеле [Scheufele, р. 297–316]. Среди отечественных исследователей к проблеме освещения экономической тематики в медиа обращаются И. Н. Демина [Демина, с. 217–221] и О. Ю. Вихрова [Вихрова], проблемы ценностного и социального аспекта в экономических публикациях рассматривает С. Н. Кирьянов [Кирьянов, с. 169–176]. Вопросы, касающиеся специфики развития экономической тематики в российской периодике, также затрагивают В. Л. Иваницкий [Иваницкий, с. 3–26] и В. П. Мингинос [Мингинос, с. 191–199].

Выборка и методы

В нашем исследовании мы рассматривали пять групп текстов за период с 2014 по 2022 г. За стартовую точку отсчета был принят год присоединения Крыма к РФ, за которым последовали международные санкции. Корпус четырех других групп текстов складывался из обсуждения санкций в связи с ситуацией в Донбассе, обвинений представителей России в кибератаках на инфраструктуру и госучреждения в США, публикаций в СМИ по теме санкций против газопровода «Северный поток — 2», а также включал освещение в СМИ санкционных последствий украинского военного конфликта. Для первой и второй групп текстов замерялась динамика упоминаемости темы санкций за 8 лет, в случае с группами 3 и 4 — с 2017 и 2019 гг. соответственно, по украинскому конфликту замеры проводились за десять месяцев (24 февраля 2022 г. — 1 января 2023 г.). Основной методикой в работе был качественно-количественный контент-анализ, осуществлявшийся с помощью программной среды QDA Miner и Orange Biolab Si.

Данные контент-анализа по массиву выборки записывались в кодировальную матрицу, после чего статистически распределялись в хронологическом порядке. В качестве второй переменной, соотносимой с динамикой публикаций, в таблицах сопряженности использовались данные по курсу рубля к доллару, которые в нашем исследовании мы предлагаем использовать как базовый экономический показатель, отражающий уверенность инвесторов в национальной валюте страны, подвергающейся или имеющей риск подвергнуться санкциям. Мы использовали рублевый курс как наиболее инструментально управляемый индикатор, на который российские финансовые власти могут оказывать непосредственное влияние и представлять его как результат своей деятельности (показатель эффективности), в отличие от биржевой стоимости акций, котировок нефти и других commodities, в большей степени зависящих от внешних факторов.

Для контент-анализа использовались ключевые слова, включающие четыре биграммы, описывающие конкретный санкционный процесс («Крым + санкции», «Донбасс + санкции», «кибератаки + санкции», «Украина + санкции»), и одна триграмма («Северный + поток + санкции»). В статистических подсчетах применялся простой дескриптивный анализ с соотнесением валютного курса с упоминанием соответствующей темы санкций в СМИ. При этом мы не ставили перед собой цели найти корреляцию между освещением темы санкций и изменением курса доллара к рублю, данные параметры использовались лишь для того, чтобы оценить разницу реакции на экономические события со стороны финансового рынка и со стороны медиа.

Выборку составили 35 федеральных периодических изданий и информ-агентств: «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Ведомости», «Известия», «Интерфакс», газета «Коммерсантъ», журналы «Коммерсантъ-Власть» и «Коммерсантъ-Деньги» (до 2017 г.), «Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Новые известия», «Огонек» (до 2020 г.), «РИА Новости», «РБК», «Российская газета», «Слово», «Совершенно секретно», «ТАСС», «Труд», «Финансовая газета», «Эксперт», «BFM.ru», «Dni.ru», «Dp.ru», «Finam.ru», «Fontanka.ru», «Forbes», «Gazeta.ru», «Lenta.ru», «M24.ru», «Profinance.ru», «Svpressa.ru», «Utro.ru». Замеры проводились по базам электронных библиотек East View Information Services (<http://online.eastview.com/>) и Polpred (<https://polpred.com/>). В указанных изданиях было проанализировано 12 650 статей.

Группа первая: Крым

Первый блок публикаций на экономическую тематику, который мы рассматривали в связи с санкционными процедурами, затрагивает финансовые проблемы, обсуждавшиеся после событий в Крыму весной 2014 г. Хронологически это самый протяженный корпус текстов. Кроме того, это самый обсуждаемый тематический блок, на котором в течение нескольких лет акцентировалось информационное внимание в прессе. Следующая отличительная черта этой тематической группы заключается в явной синхронности между всплесками обсуждения темы санкций в связи с событиями в Крыму и ростом долларовой курса по отношению к рублю. Такая синхронность стала проявляться сразу же после крымского референдума (16 марта 2014 г.) и далее активизировалась при каждом информационном поводе о введении санкций (от ограничительных мер в отношении Сбербанка, ВТБ, Внешэкономбанка до секторальных санкций, затрагивающих промышленность). Рубль ослабевал почти одновременно с выходом публикаций о новых экономических ограничениях, получая дополнительный повод к снижению курса в том числе и на фоне внутрироссийских событий. Так, например, введение Россией эмбарго на определенные зарубежные продукты в 2014 г. (так называемые «контрсанкции») послужило дополнительным информационным поводом в обсуждении санкционной повестки.

Важно отметить, что рассматриваемый корпус текстов отличают две явных статистических фазы — активный период, продолжавшийся до осени 2019 г., и информационный хвост, фиксирующий общее снижение числа публикаций по крымской тематике при сохраняющейся корреляции публикационной активности с ослаблением рубля. На наш взгляд, это объясняется ставшим традиционным использованием крымского прецедента в российских средствах массовой информации в качестве наглядного примера того, как действуют санкции и как они могут быть реализованы в других ситуациях, с оглядкой на события 2014–2015 гг. Другими словами, в контексте информационного хвоста крымская тематика в экономических публикациях носит характер исторической справки с описанием того, как было, и попыткой перенести предыдущий опыт для предсказания того, как будет. Степень прогностической точности при этом остается весьма волатильной, распределяясь примерно в равных долях между сбывшимися и несбывшимися прогнозами. В этом смысле контент-анализ первого корпуса текстов показывает, как информационный повод переживает свою активную фазу медийной пролиферации и превращается в сугубо исторический контекст, который может быть использован в любой момент при соответствующей информационной необходимости (рис. 1).

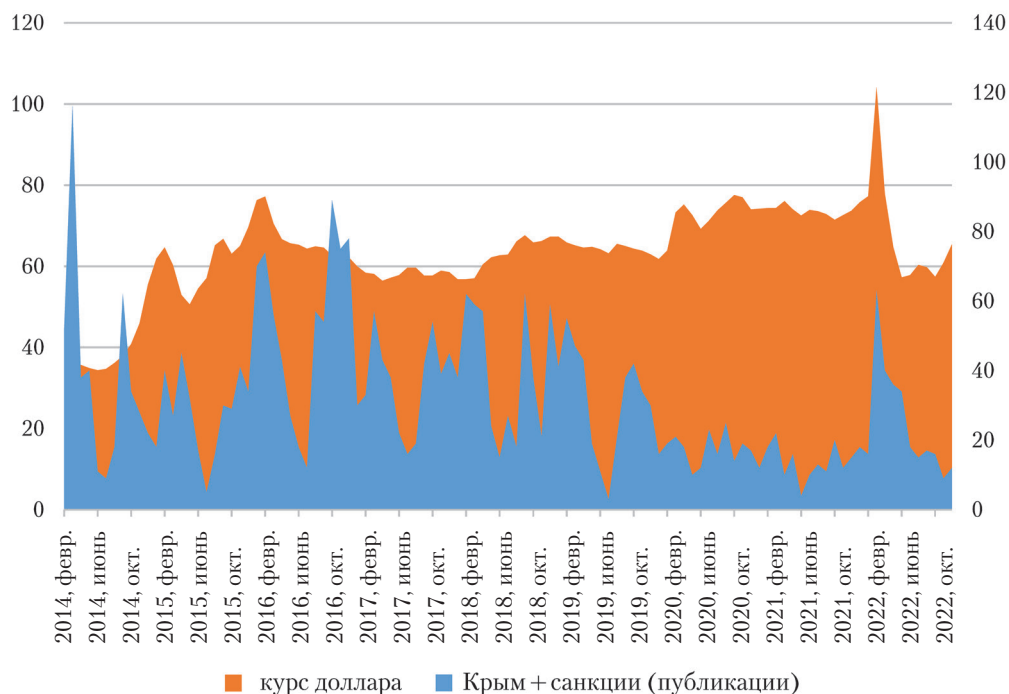

Рис. 1. Публикации с биграммой «Крым + санкции» с 2014 по 2022 г. (левая шкала).
Курс доллара указан на правой шкале

В связи с этим следует рассматривать как период актуальной информационной реакции на события в Крыму только основную фазу, продолжавшуюся 68 месяцев (с марта 2014 г. по ноябрь 2019 г.), и отдельно от нее — непродолжительный информационный всплеск в феврале 2022 г., когда журналисты проводили параллели между событиями восьмилетней давности, пытаясь предсказать масштабы грядущих санкций, выстраивая те самые ассоциативные ряды, о которых в рамках теории медиапрайминга и сопутствующих ему информационных процессов пишут Б. Бушман [Bushman, p. 537–546] и М. Маккомбс [McCombs, Stroud, p. 68–93].

Группа вторая: Донбасс

На начальном этапе введения санкций из-за боевых действий в Донбассе медийная реакция в экономических СМИ была почти тождественна «крымскому всплеску» — две равномерно распределенные волны, отражающие эмоциональную реакцию на информационную повестку. Только в данном случае ключевыми датами являются 28 апреля 2014 г. (введены санкции против ДНР и ЛНР) и 16 февраля 2015 г. (расширен пакет санкций против чиновников). Именно в этих двух временных точках отмечается схожесть реакции между динамикой публикаций и динамикой рублевого курса: курс рубля ослабевает по отношению к доллару, тема санкций в отношении Донбасса интересует все большее число периодических изданий. Начиная с весны 2015 г. информационный сегмент по санкционной тематике заметно сокращается, при том что рубль продолжает дешеветь по отношению к доллару. Почему это происходит? На наш взгляд, это связано с эффектом исчерпания экономического потенциала санкций, который мы еще неоднократно увидим на других группах текстов. Суть этого эффекта заключается в том, что как только СМИ начинают считать, что санкции не нанесут серьезного ущерба российской экономике (даже если это не так), им посвящают все меньше времени, упоминая только в связи с актуальными информационными поводами в контексте ежедневных новостей. После этого тема санкций в соответствующем корпусе медийных текстов возникает исключительно в контексте политического дискурса. Для экономических же журналистов соответствующий блок становится отработанной в информационном плане темой, и даже заметное ослабление рубля (или, например, нефтяных котировок) в связи с соответствующим санкционным режимом больше не привлекает массмедиа. Таким образом, медийная повестка и реальная экономическая ситуация в значительной мере расходятся: средства массовой информации перестают корректно реагировать на актуальные информационные поводы (рис. 2).

Коррективы, как и в предыдущем случае, вносит лишь 2022 г., когда журналисты на непродолжительное время проводят в своих текстах параллели между событиями 2014–2015 гг. и событиями 2022 г.

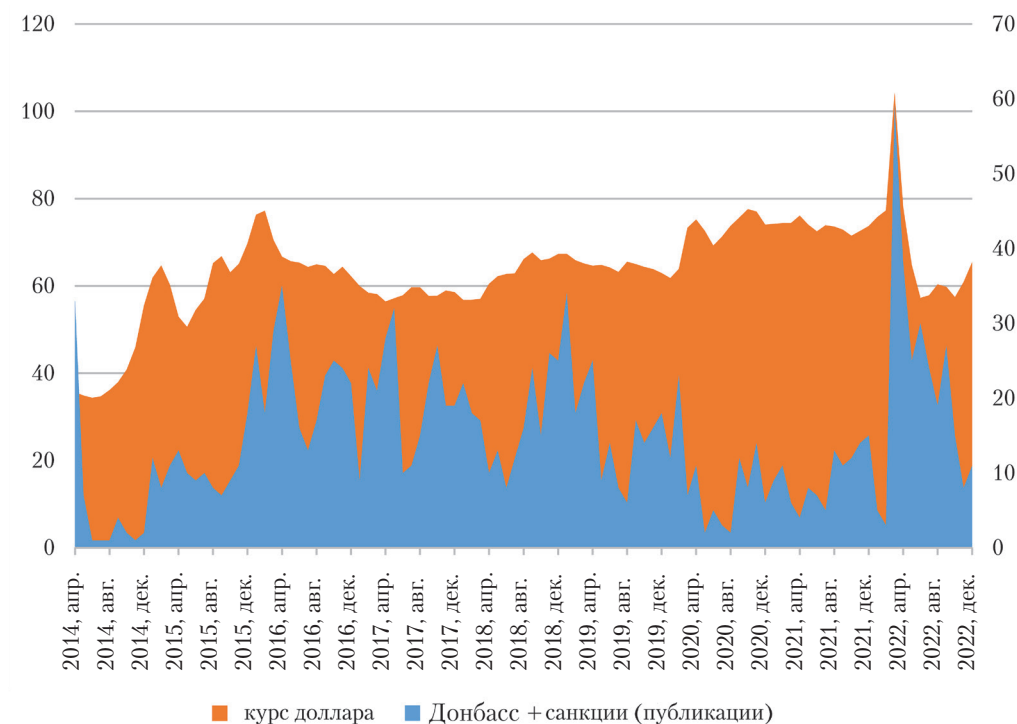

Рис. 2. Публикации с биграммой «Донбасс + санкции» с 2014 по 2022 г. (правая шкала). Курс доллара указан на левой шкале

Группа третья: кибератаки

Если информационная реакция на введение санкций из-за военного конфликта в Донбассе может быть четко разделена на две медийно-экономические фазы, то в случае с введением санкций за кибератаки, в которых были обвинены российские хакеры, динамика информационного сопровождения носила линейный характер и не оказала заметного влияния на рыночные индикаторы. При этом, как и в случае со вторым корпусом текстов, пик информационного освещения проблемы пришелся на период активного обсуждения первоначального инфоповода. Санкции были приняты 29 декабря 2016 г., максимальное медийное внимание к ним было привлечено в январе 2017 г. После этого проблема санкций за кибератаки вошла в число постоянных, но статистически малозначимых, и даже новые информационные поводы, вписывающиеся в указанную тему, не поспевали интерес к данной проблеме в СМИ, пишущих об экономических проблемах. Вероятно, причиной тому послужил непосредственно сам перечень официальных и юридических лиц, попавших под санкции (в него вошли представители спецслужб, а также «ЦОР Security», «Специальный технологический центр» и «Профессиональная ассоциация дизайнеров систем обработки данных»). Поскольку в этом

списке не оказалось значимых коммерческих структур и санкции не затронули технологический сектор (поставки оборудования и комплектующих), в дискурсе российских экономических СМИ тема санкций за кибератаки рассматривалась как несущественная. Отсутствие ее корреляции с рыночными индикаторами хорошо заметно на сравнительном графике валютного курса — информационный интерес к теме санкций, связанных с кибератаками, остается стабильно низким на протяжении более чем пяти лет, в то время как рубль за тот же период очевидно слабеет. Примечательно, что изменения валютного курса даже на пике информационного повода по кибератакам (зима 2017 г.) были весьма сдержанными и не оказали влияния на средневзвешенный месячный курс рубля к доллару, не говоря уже о более длительных промежутках времени. Контент-анализ показывает, что и сам контекст употребления термина «кибератаки» скорее политический, нежели экономический: биграмма «кибератаки + санкции» встречается в 4,25 раза реже, чем биграмма «кибератаки + выборы». Другими словами, в медиадискурсе российских СМИ кибератаки часто воспринимают в контексте неконвенционального политического инструмента и обсуждают именно в связи с выборами и иностранными политиками (Дональдом Трампом, Хиллари Клинтон, Марин Ле Пен, Эммануэлем Макроном и т. д.), а не в связи с санкциями и последствиями от их введения. Таким образом, третий корпус текстов можно отнести ко второй фазе освещения санкций, связанной с военным конфликтом на Донбассе и выражающей сдержанный скепсис и неверие в серьезность вводимых ограничений (рис. 3).

Группа четвертая: «Северный поток — 2»

Принципиальное отличие этой группы текстов от двух предыдущих заключается в быстром осознании средствами массовой информации прямого негативного экономического эффекта от ограничений, вводимых против газопровода «Северный поток — 2». Как и в случае с санкциями за кибератаки и Донбасс, информационная волна началась с заметного медийного всплеска, связанного с утверждением Соединенными Штатами первого санкционного пакета в декабре 2019 г. В дальнейшем временное снижение внимания к данной теме перешло в фазу постоянного внимания к объявлению соответствующих санкций, когда ограничения стали накладываться на компании, суда и операторов, участвующих в проекте «Северного потока — 2». И здесь мы довольно четко видим тождественный тренд между публикационной активностью и валютным курсом, продолжающийся вплоть до настоящего момента, когда проект официально заблокирован на международном уровне (рис. 4).

Другими словами, признавая влияние санкций на возможности экспорта российского газа, СМИ, пишущие на экономические темы, реагируют на усиление ограничений большим вниманием к данной теме ровно в той же мере, в какой реагирует на данные процессы валютный рынок. И здесь вердикт медиа, часто заметный уже в заголовках публикаций, звучит даже жестче, чем типичные экономические прогнозы: ««Северный поток — 2» замерз окончательно» (Коммерсантъ).

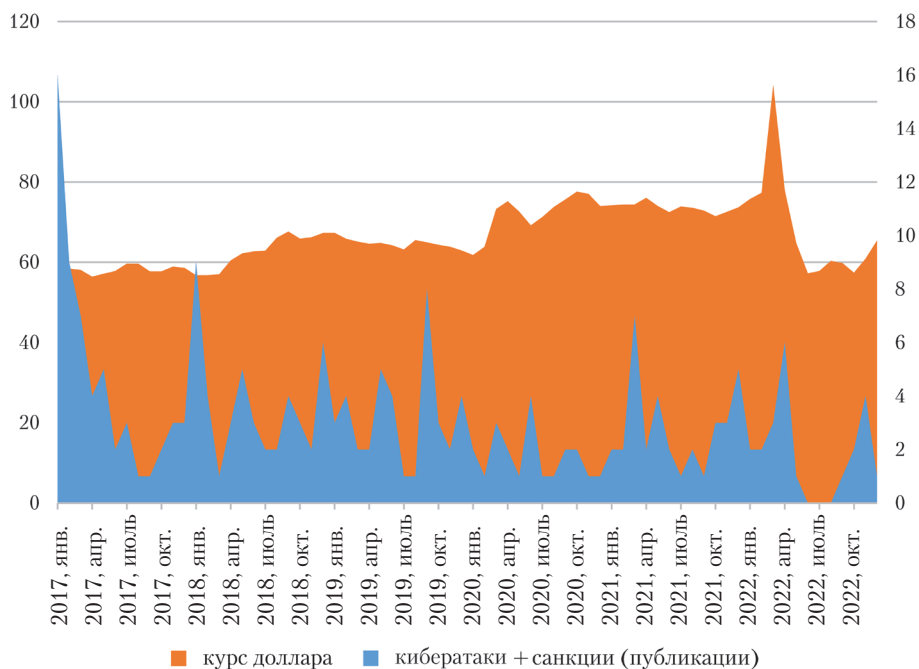

Рис. 3. Публикации с биграммой «кибератаки + санкции» с 2017 по 2022 г. (правая шкала). Курс доллара указан на левой шкале

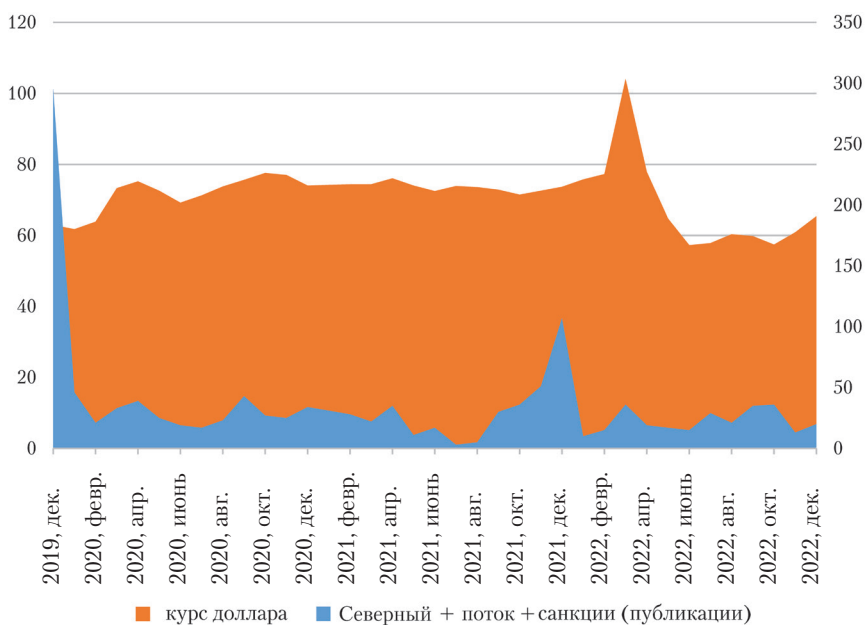

Рис. 4. Публикации с триграммой «Северный + поток + санкции» с 2019 по 2022 г. (правая шкала). Курс доллара указан на левой шкале

2022. 22 февр.), «Президент Германии назвал ошибкой поддержку проекта “Северный поток — 2”» (Ведомости. 2022. 4 апр.) и т. д. В 2022 г. тема санкций против «Северного потока — 2» фактически смешивается со следующим тематическим пластом журналистских публикаций и в значительной мере растворяется в нем.

Группа пятая: украинский конфликт

Финальный корпус текстов в значительной степени отличается от всех ранее рассмотренных групп инфоповодов как по масштабу массива публикаций (6179 текстов за 10 календарных месяцев), так и по своей развивающейся активности. При этом наибольшее число публикаций, обращающихся к теме санкций в связи с украинским конфликтом, сконцентрировано в период с конца февраля до середины апреля 2022 г. Затем идет заметный спад несмотря на то, что санкционный режим только ужесточается со временем (на момент написания статьи в отношении российских официальных лиц и компаний действует девять санкционных пакетов). Таким образом, информационный шок, зафиксированный и в резком росте курса доллара, и в резком усилении внимания СМИ к теме санкций, оказался для медиа кратковременным, после чего публикации данного тематического пласта рутинизировались, а СМИ стали писать о вводимых ограничениях как о привычной новой реальности, избегая первоначальных алармистских оценок.

Фактически здесь повторился сценарий, который мы рассматривали в связи с темой кибератак, только снижение внимания медиа к санкционной теме оказалось продиктовано не объективными экономическими данными, а желанием видеть стабилизацию финансовой ситуации, даже если в действительности ее не происходит. Отчасти под нужды такой аргументации подошел и ослабленный усилиями финансовых властей курс доллара, который СМИ стали выдавать за признак преодоления экономических трудностей, забывая указать, что справиться с ослаблением рубля удалось во многом благодаря отказу от его свободной конвертации и жесткому регулированию валютного рынка. В итоге сложилась необычная ситуация: санкционное давление продолжает усиливаться, а СМИ пишут о нем все меньше (рис. 5).

Отдельный момент — смещение смысловых акцентов в материалах про санкции: если весной 2022 г. это были мрачные прогнозы и негативные оценки с развернутой статистикой и цифрами, то во второй половине 2022 г. они сменились на эмоциональные высказывания с мотивом преодоления трудностей, который заметен даже на уровне заголовков: «Россия живет под санкциями 104 года. Почему Запад не смог убить Россию своими барьерами и запретами» (Комсомольская правда. 2022. 20 авг.), «Володин: Расчеты Запада на крах российской экономики не оправдались» (Российская газета. 2022. 29 дек.), «Экономист Колташов: Самое важное событие 2022 г. — это экономическое самоубийство Европы» (Московский комсомолец. 2022. 30 дек.) и т. д. Таким образом, СМИ стали не только меньше внимания уделять санкциям, но и указывать на их

несущественность, что в целом повторяет типовой фрейм, используемый со времени первых антироссийских санкций после «крымской весны» 2014 г., хотя теперь он наиболее явно входит в противоречие с объективной картиной экономической действительности.

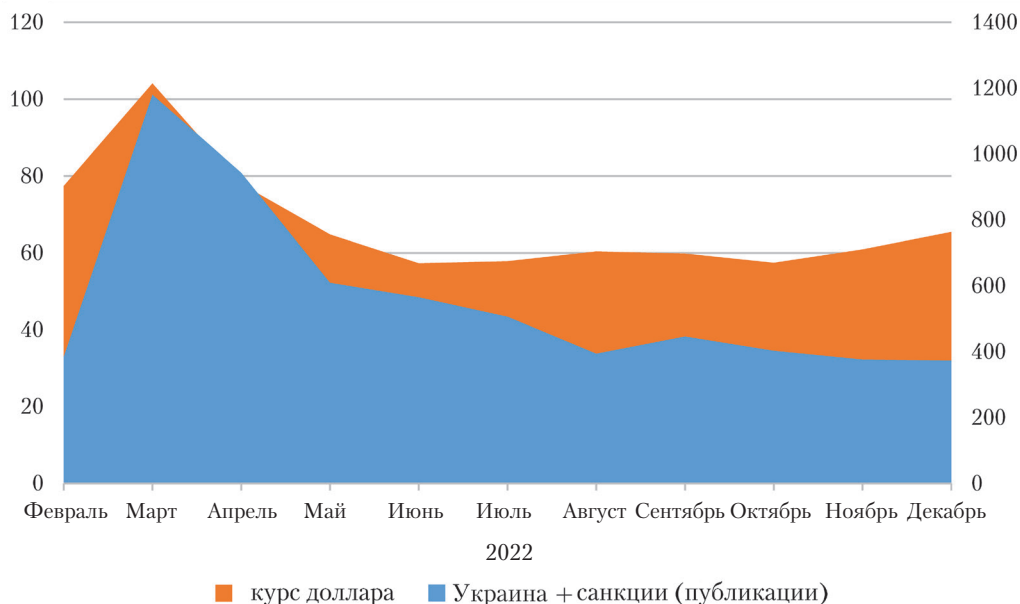

Рис. 5. Публикации с биграммой «Украина + санкции» с февраля по декабрь 2022 г. (правая шкала). Курс доллара указан на левой шкале

Выводы

Рассмотрев пять групп текстов с точки зрения репрезентации санкций и повторения тренда рублевого курса, а также объема информационных массивов по используемым в контент-анализе ключевым словам, мы можем выделить три базовые закономерности, определяющие принципы представления санкционной тематики в российских средствах массовой информации:

1. Информационная реакция в СМИ на введение экономических санкций или вероятность их введения тем ниже, чем меньше внутренняя убежденность авторов в серьезных финансовых последствиях таких решений. В некоторых случаях эта убежденность может противоречить экономической реальности (и тогда мы видим рассинхронизацию графика валютного курса и публикационной активности). В данной выборке к слабой информационной реакции в экономических текстах можно отнести тематические группы 2, 3 и 5, хотя в политическом дискурсе роль данных инфоповодов была более масштабной.

2. Информационная реакция в достаточной мере тождественна направлению валютных курсов во всех случаях, когда санкционные перспективы

воспринимаются в журналистских текстах как пугающие (даже если это не так в действительности) и соотносятся с конкретными персоналиями либо компаниями, внесение которых в санкционные списки вызывает у журналистов беспокойство. Пиковые значения в периоды такой обеспокоенности порождают информационные каскады — хронологически оформленные массивы однотипных публикаций, объединенных общей тематикой и в ряде случаев легко считываемым общим настроением авторов.

3. СМИ могут представлять санкционную тематику в меньшем, чем ее реальные экономические последствия, масштабе как в силу субъективных причин (например, желания видеть в кризисных процессах стабилизацию), так и из-за неверного диапазона оценки (например, пытаясь делать выводы о влиянии санкций в течение краткого периода после их введения, когда они еще не оказали заметного воздействия на экономику).

Указанная градация четко прослеживается при обобщении данных по текущей выборке: все пиковые значения упоминаемости санкционной тематики относятся к всплескам соответствующих информационных каскадов, отражающих веру авторов в серьезность санкций (Крым, «Северный поток — 2», украинский конфликт). Эти же точки совпадают с пиками долларového курса. Обратный сценарий реализуется, когда СМИ не верят или стремятся показать, что не верят, в серьезность вводимых санкций, и тогда основным информационным контекстом санкционной тематики оказываются либо краткие новости о накладываемых ограничениях, либо аналитические материалы (обычно со ссылкой на официальных лиц и экспертов), убеждающие читателей в преодолимости санкций и их незначительности для российской экономики (Донбасс, кибератаки, украинский конфликт во второй половине 2022 г.).

В результате тема санкций в экономических публикациях российских СМИ в значительной степени определяется не объективными процессами, сопутствующими этим санкциям, а неаргументированной авторской оценкой а priori, в которой журналисты считают возможным полагаться как на свои неверифицируемые ощущения, так и на экспертные оценки, часто являющиеся исключительно предметом дискурсивных установок, а не производной от экономических знаний.

Вихрова О. Ю. Профессиональная подготовка журналистов как медиатора финансово-экономических знаний // Медиаскоп. 2018. № 4. URL: <http://www.mediascope.ru/2484> (дата обращения: 10.01.2023).

Демина И. Н. Сущность экономической журналистики // Известия ИГЭА. 2011. № 1. С. 217–221.

Иваницкий В. Л. Экономическая журналистика в XXI веке: на пути к взаимопониманию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10 : Журналистика. 2016. № 6. С. 3–26.

Кирьянов С. Н. Медийный императив формирования финансового сознания и повышения финансовой грамотности // Вестн. ТвГУ. 2012. № 1. С. 169–176.

Мингинос В. П. Экономическая журналистика России (в оценках публицистики и науки) // Изв. Юж. федер. ун-та. 2014. № 3. С. 191–199.

Bushman B. Priming effects of media violence on the accessibility of aggressive constructs in memory // Personality and Social Psychology Bulletin. 1998. Vol. 24. P. 537–546.

Domke D., Shah D., Wackman D. Media priming effects: Accessibility, association, and activation // International Journal of Public Opinion Research. 1998. № 10. P. 51–75.

Entman R. Framing Bias: Media in the Distribution of Power // Journal of Communication. 2007. Vol. 57, № 1. P. 163–173.

Evatt D., Ghanem S. Building a scale to measure salience. World Association of Public Opinion Research. Rome, Italy, 2001.

Goidel R., Shields T., Peffley M. Priming theory and RAS models: toward an integrated perspective of media influence // American Politics Quarterly. 1997. № 25. P. 287–318.

McCombs M., Shaw D. The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. 1972. № 36. P. 176–187.

McCombs M., Stroud N. Psychology of Agenda-Setting Effects. Mapping the Paths of Information Processing // Review of Communication Research. 2014. Vol. 2 (1). P. 68–93.

Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence: Public Opinion – Our Social Skin. Chicago, 1984.

Scheufele D. Agenda-setting, priming, and framing revisited: Another look at cognitive effects of political communication // Mass Communication & Society. 2000. Vol. 3. P. 297–316.

Van Gorp B. The Constructionist Approach to Framing: Bringing Culture Back In // Journal of Communication. 2007. Vol. 57, № 1. P. 60–78.

Wicks R. Understanding audiences: Learning to use the media constructively. Mahwah, New Jersey, 2001.

Статья поступила в редакцию 08.01.2023 г.